

М. А. Демин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ А. П. УМАНСКОГО НА АЛТАЕ В 1980-Е – НАЧАЛЕ 2000-Х ГГ.¹

В статье рассматривается археологическая деятельность известного сибирского историка и археолога А. П. Уманского в 1980-е – начале 2000-х гг. Большое значение имело его многолетнее сотрудничество с научным сотрудником Института археологии АН СССР В. А. Могильниковым. Самым масштабным результатом археологических исследований ученых стали раскопки Новотроицкого некрополя, проводившиеся в 1980, 1981, 1983, 1984, 1986–1991 гг. Всего, в Новотроицком было раскопано 314 погребений, из которых 296 относятся к скифскому времени, 16 – к эпохе поздней бронзы, одно к средневековью и одно в силу полного разрушения осталось не определенным. Одной из важных совместных научных разработок А. П. Уманского и В. А. Могильникова стало выделение каменной археологической культуры второй половины I тыс. до н.э. В отличие от традиционной точки зрения они связывали происхождение каменных комплексов не только с развитием автохтонной большереченской культуры, а во многом с проникновением сюда нового населения с запада или юго-запада. В 1985 г. А. П. Уманский принимал участие в раскопках курганной группы Рогозиха-1, в ходе которых было найдено уникальное зеркало-погремушка восточного происхождения с изображением религиозно-символических сцен. Определение семантики изображений потребовало интенсивной работы по поиску аналогий в археологических и письменных источниках, включая древнеиндийские эпические произведения. Ученый интерпретировал сюжет на рогозихинском зеркале как многозначное символическое изображение торжественного сошествия в подземное царство. В 1989–1990-м гг. он участвовал в исследованиях археологических памятников в урочище Карбан, на левом берегу Катунь. В результате раскопок был получен материал, характеризующий различные этапы истории населения Горного Алтая в эпоху раннего железа, и имеющий большую историческую и художественную ценность. В рассматриваемый период А. П. Уманский плодотворно занимался публикацией и осмыслением накопленных археологических источников, стремился ввести в научный оборот свои многочисленные материалы предшествующих лет.

Ключевые слова: археология, Уманский, Могильников, Новотроицкое, Рогозиха, Карбан, каменная культура.

Археологические исследования видного сибирского ученого Алексея Павловича Уманского неоднократно освещались в историографии. Однако в литературе основное внимание уделялось его ранним работам (Демин, 2013; 2016; 2017; Паршукова, 2011), а археологические изыскания 1980-х – начала 2000-х гг. еще не были предметом научного анализа. Между тем в 1980–1991 гг., он вел масштабные раскопки Новотроицкого некрополя, являющегося по настоящее время одним из базовых памятников каменной культуры. В 1985 г. в ходе изучения курганной группы Рогозиха-1 им было найдено уникальное зеркало-погремушка восточного происхождения, которое и ныне вызывает огромный интерес специалистов в области археологии и искусствоведения. В рассматриваемый период А. П. Уманский много внимания уделял публикации и осмыслению накопленных археологических источников. В частности, особую актуальность имеют сюжеты, связанные с выделением каменной археологической культуры, поскольку вопрос о причинах резкого изменения этнокультурной ситуации на Алтае и в Верхнем Приобье во второй половине VI–III в. до н.э. является остро дискуссионным в современной сибирской археологии (Троицкая, Новиков, 2004: 71–75; Шульга, 2013: 161–171; 2015: 11–12).

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-11-22005 «Историк в региональном социокультурном пространстве второй половины XX в.».

В 1980–1990-е гг. продолжалось многолетнее сотрудничество А. П. Уманского с научным сотрудником Института археологии АН СССР В. А. Могильниковым. Самым масштабным результатом археологических работ исследователей стали раскопки Новотроицкого могильника. Работы велись под непосредственным руководством А.П. Уманского со студентами Барнаульского пединститута, материалы хранились здесь же, а планы, чертежи, рисунки и фотографии вместе с другой полевой документацией пересылались в Москву В. А. Могильникову, который с помощью профессиональных художников готовил окончательный отчет. Между учеными велась интенсивная переписка. Столичный археолог просил уточнить детали раскопок, выслать недостающие полевые материалы и т.д. Кроме того, обсуждались совместные публикации, ученые обменивались уже вышедшими изданиями, намечали планы на предстоящий сезон.

Первый сезон Новотроицкой экспедиции, которая в отчетах фигурировала как Чумышский отряд Алтайской (или Западно-Сибирской) экспедиции Института археологии АН СССР, состоялся в 1980 г. и сразу показал перспективность раскопок этого памятника. В пункте Новотроицкое-1 было вскрыто восемь курганов, содержащих 55 захоронений, т.е. под каждой насыпью оказалось от трех до 16 могил. Конструктивной особенностью большинства погребений являлось наличие придонного уступа, поверх которого располагалось перекрытие из толстых горбылей или бревен. Умерший покоился в деревянном ящике или раме, как правило, лежа на спине, с вытянутыми руками и ногами. В могилах за черепом обычно лежали кости животного. Инвентарь был представлен глиняными сосудами, железными ножами, костяными наконечниками стрел, каменными курильницами и другими изделиями. Из украшений интересны восьмерковидные проволочные серьги из меди, серебра и золота, четырехугольные золотые пластинки и железная заколка для волос, круглая головка которой была покрыта золотой фольгой с тисненым узором (Уманский, 1981: 62–64).

В 1981 г. работы у Новотроицкого были продолжены. Было вскрыто шесть курганов, под насыпями которых оказалось свыше 30 захоронений. В инвентаре преобладали керамические сосуды различных форм и женские украшения. Орудия труда были представлены железными ножами, пряслицами, вооружение – железными чеканом, кинжалом и крючком от колчана, костяными наконечниками стрел и другими предметами (Уманский, 1982).

В 1983 г. в пункте Новотроицкое-1 были раскопаны три кургана карасукско-ирменского и шесть курганов раннежелезного времени. В курганной группе № 2 был вскрыт один курган каменной культуры. Кроме того, в разведывательных целях в пункте Новотроицкое-3 было исследовано погребение, полностью разрушенное грабителями (Шульга, Уманский, Могильников, 2009: 132). Ирменские могилы не содержали принципиально нового материала, но отличались от большинства ранее известных памятников тем, что представляли собой не грунтовые, а курганные сооружения. В захоронениях эпохи раннего железа был найден типичный для каменной культуры инвентарь. Среди него обращает на себя внимание бронзовая гривна со схематичным изображением бараньих голов на концах (Уманский, 1985а; 1987б).

В 1984 г. у Новотроицкого было раскопано три кургана раннежелезного века и по одному – эпохи поздней бронзы и позднего железа. Самой интересной находкой была золотая пластинка с отверстиями для пришивания, на которой штамповкой было нанесено изображение лошади с вывернутым крупом, выполненного, по наблюдению исследователя, в скифо-сибирском зверином стиле. Раскопками 1980–1984 гг. исследование памятников в пункте Новотроицкое-1 было в основном завершено (за исключением самого большого кургана и погребений с разрушенными насыпями). В последующие годы археологи сосредоточились на изучении курганной группы № 2, из которой на тот момент были вскрыты только две насыпи (Уманский, 1986d; Уманский, Караваев, 1993).

В 1985 г. совместная экспедиция Алтайского университета под руководством А. Б. Шамшина и Барнаульского педагогического института под руководством А. П. Уманского исследовала могильник Рогозиха-1, находившийся в Павловском районе и попадавший в зону строительства Рогозихинской оросительной системы. Отрядом пединститута были раскопаны

шесть курганов каменной культуры и один полностью разграбленный курган, вероятно, эпохи средневековья. В могилах встречен интересный разнообразный материал: костяные (роговые?) пластинки от обкладки ножен, на одной из которых изображены олени, подпружная пряжка в виде несомкнутого кольца, украшенная головками грифов, бронзовые сбруйные распределители и бляхи в виде стилизованных головок грифона, позолоченное зеркало с ручкой, роговая накладка на ножны кинжала с изображением кошачьего хищника в концевой части и другие (Уманский, 1992b). Самой уникальной находкой, которая произвела настоящую сенсацию в среде археологов, было зеркало-погремушка восточного происхождения, на котором представлена культовая сцена в виде фигур празднично одетых «танцовщиц» и «музыкантов», индийского слона, птицы, солярных знаков и других религиозно-символических мотивов (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005).

Определение семантики изображений потребовало интенсивной работы по поиску аналогий в археологических и письменных источниках, включая древнеиндийские эпические произведения. А. П. Уманский несколько лет с увлечением занимался изучением этой редчайшей находки. В письме владивостокскому археологу Э. В. Шавкунову он сообщал: «... Бьюсь над «расшифровкой» изображенной на нашем зеркале сцены... штудирую «Махабхарату», но похоже, что придется лезть глубже – в «Веды» и «Авесту» (ГААК. Ф. Р-1820. Неописанные материалы. 31.01.86). В письме Ф. Х. Арслановой он отмечал: «Сейчас я по уши влез в «Махабхарату» в поисках разгадки выгравированного сюжета» (Там же. 31.01.86). А. П. Уманский интерпретировал сюжет на рогозихинском зеркале как многозначное символическое изображение торжественного сошествия в подземное царство. После находки П. И. Шульгой нового зеркала-погремушки в могильнике Локоть-4 оба исследователя объединили свои усилия и выдвинули обоснованные версии происхождения, датировки и семантики данных изделий (Уманский, Шульга, 1999; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005: 28–36). Свое последнее в жизни публичное выступление, состоявшееся в конце сентября 2005 г., А. П. Уманский посвятил презентации монографии по итогам исследования курганной группы Рогозиха-1 (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005).

В 1986 г. состоялся пятый сезон работы Чумышского отряда Западно-Сибирской экспедиции Института археологии АН СССР и Барнаульского пединститута. Было вскрыто девять курганов, содержащих 54 погребения (семь – в пункте Новотроицкое-II, и два объекта удалось выявить после сенокоса в курганной группе №1). Несмотря на то, что большая часть могил была разграблена, исследователи получили разнообразный материал. Многие найденные вещи встретились здесь впервые, что повышало интерес и значимость раскопок новотроицких курганов. Орудия труда и вооружение были представлены железными ножами, каменными и глиняными пряслицами, крючками для подвешивания колчанов, двумя кинжалами, железными и костяными наконечниками стрел и другими предметами. Несомненной удачей археологов стала находка в одном из мужских погребений бронзового котла с поддоном и ручками для подвешивания вместимостью около 7 литров. Большую серию инвентаря составляли украшения: женские ожерелья, одно из которых состояло из пяти крупных пастовых бусин и почти 250 бисеринок различных цветов, другое – из двух десятков тонких пронизок из гофрированной золотой фольги, третье – из длинной пронизи и 20 крупных сердоликовых и янтарных бусин, четвертое – из отполированных до блеска черных бусин из гешира (Уманский, 1986b). Кроме ожерелий были найдены многочисленные серьги и нашивные бляшки из бронзовой и золотой проволоки или фольги, заколки для волос и другие украшения. Одной из самых знаменательных находок 1986 г. А. П. Уманский (1986a) считал амулет из черного полированного гешира, который представлял собой имитацию гребня, верхняя часть которого была занята рельефным изображением мифического существа в виде крылатого и рогатого львиного грифона.

В 1987 г. в пункте Новотроицкое-II было раскопано пять курганов раннежелезного времени, содержащих 33 могилы. Кроме того, в связи с низким травостоем удалось выявить и

исследовать четыре объекта с небольшой насыпью в курганной группе №1 (три из них относились к каменной, один – к ирменской культуре) (Шульга, Уманский, Могильников, 2009: 65–68, 90–100).

Особенно удачными были результаты работ в Новотроицком в 1988 г. Было исследовано 58 погребений в 11 курганах в пункте Новотроицкое-II. Почти в каждой могиле находились глиняные кувшины и горшки, и остатки заупокойной пищи. Из орудий труда и предметов вооружения были обнаружены железные ножи с петельчатой рукоятью, каменные и глиняные пряслица, костяные, бронзовые и железные наконечники стрел, железные кинжалы и чеканы. В парном мужском захоронении был найден хорошо сохранившийся бронзовый котел сарматского типа на коническом поддоне с ручками на боковинах, орнаментированный двумя выпуклыми поясками. В ходе раскопок была выявлена целая серия произведений искусства: костяная ложка с ручкой в виде головки животного с разинутой зубастой пастью, бронзовые поясные пряжки, украшенные рельефными изображениями парных головок горного козла с огромными круто загнутыми рогами, бронзовые наременные бляхи с рельефной композицией из двух горных козлов, опирающихся большими рогами на цветок лотоса и сценой терзания горного козла орлиноголовым крылатым с кошачьим туловищем грифоном, который вцепился клювом и передними лапами в его спину. Вероятно, украшением головного убора служила близкая к скифо-сибирскому звериному стилю полая фигурка горного козла, выполненная из двух рельефных золотых пластинок, с огромными рогами и настороженно торчащими ушами (Уманский, 1989).

Новотроицкие находки, по заключению исследователя, подтверждали гипотезу о пазырыкских корнях изобразительного искусства населения Причумышья (Уманский, 1988). Позднее В. А. Могильников и А. П. Уманский указывали, что предметы с зооморфным декором из раскопок 1988 г. свидетельствовали о воздействии сакского компонента с территории Семиречья и Тянь-Шаня, осуществлявшегося параллельно как в Горный Алтай, так и в степные и лесостепные районы Обь-Иртышского междуречья и Верхнего Приобья (Могильников, Уманский, 1997).

По данным А. П. Уманского, трижды в 1988 г. были встречены скелеты мужчин, черепа которых были пробиты чеканами. В одном костяке глубоко застрял бронзовый наконечник стрелы. По предположению археолога, все они погибли в результате военных действий, которые играли важную роль в общественно-политической жизни общества. По его наблюдению, антропологический материал также свидетельствовал о значительном числе патологических изменений: у многих пожилых людей были отмечены пористые наросты на эпифизах бедренных и берцовых костей, многочисленны находки зубов и челюстей с последствиями кариеса и парадантоза. У одного умершего после перелома были нарушены кости бедра, в результате одна нога стала короче, у другого – неправильно срослись четыре ребра, у третьего – поясничные позвонки (Уманский, 1988).

В 1989–1990-м гг. А. П. Уманский принимал участие в археологической экспедиции Барнаульского пединститута, проводившей раскопки на левом берегу Катуня, в урочище Карбан, в зоне проектируемой Катунской ГЭС. Несмотря на то, что большинство курганных погребений были разграблены, в результате раскопок был получен интересный материал, характеризующий различные этапы истории населения Горного Алтая в эпоху раннего железа, и имеющий большую историческую и художественную ценность (Демин, Гельмель, 1992)². К этому времени А.П. Уманскому перевалило уже за 65 лет, но он стойчески переносил все сложности экспедиции. Отдаленная местность, отсутствие связи, резко континентальный климат, обилие ядовитых змей, трудности с транспортом и снабжением, все эти, в общем-то, привычные, но не простые даже для молодых археологов «прелести» полевой жизни были дополнены в

² В настоящее время осуществляется подготовка к монографическому изданию памятника, в котором А.П. Уманский выступит в качестве одного из соавторов.

1990 г. конфликтами с местными жителями. На волне демократизации сухой закон, введённый в советское время в ряде районов Горного Алтая, был отменен, естественные процессы подъема национального самосознания иногда приобретали агрессивные формы. В результате пришлось двух хулиганов связать и увезти в районную милицию, которая находилась на расстоянии почти двух часов езды. Для предотвращения нападения на экспедиционный лагерь их земляков студентов на одну ночь уводили в горы, поскольку палатки простреливались с близлежащих сопков. Впоследствии сезон дорабатывали под охраной милиции. А. П. Уманскому как одному из руководителей экспедиции приходилось включаться в решение всех этих проблем. Кроме того, по служебной надобности он задержался в Барнауле, и добираясь до раскопок, ему потребовалось более 10 км по жаре пройти пешком.

Одновременно с горно-алтайскими работами А. П. Уманский в 1989–1990 гг. продолжал работы на Новотроицком некрополе. В 1989 г. там был раскопан один небольшой курган с парным погребением. Кроме того, с целью поиска новых памятников был заложен раскоп площадью 210 м кв., не давший положительных результатов (Шульга, Уманский, Могильников, 2009: 68–69). В 1990 г. в пункте Новотроицкое-I удалось выявить два разрушенных кургана, в каждом из них были по одной могиле. В черепе погребенной молодой женщины из первого кургана оказалось небольшое отверстие, пробитое по предположению А. П. Уманского, чеканом. В курганной группе № 2 был раскопан один курган, содержащий пять могил с типичным для каменной культуры инвентарем (Уманский, 1992а)³.

В 1991 г., в последний год исследований на памятнике, в пункте Новотроицкое-II были вскрыты два кургана, каждый из которых содержал три могилы. Кроме того, в курганной группе №3 были зачищены два погребения, практически полностью уничтоженные грабительскими раскопками и позднейшими хозяйственными работами (Шульга, Уманский, Могильников, 2009: 129–133; Уманский, 1993: 183)⁴.

Всего, по данным П. И. Шульги, в Новотроицком А. П. Уманским было раскопано 314 погребений, из которых 296 относятся к скифскому времени, 16 – к эпохе поздней бронзы, одно к средневековью и одно в силу полного разрушения осталось не определенным (Шульга, Уманский, Могильников, 2009: 4–5).

Одной из важных совместных научных разработок А. П. Уманского и В. А. Могильникова стало выделение новой археологической культуры, названной ими «каменной» по одноименному курганному могильнику близ города Камень-на-Оби. В ареал распространения каменной культуры помимо вновь изученных памятников исследователи причислили ряд материалов, отнесенных в свое время М. П. Грязновым к бийскому и березовскому этапу больше-реченской культуры. В отличие от традиционной точки зрения В. А. Могильников и А. П. Уманский связывали памятники второй половины I тыс. до н.э. Верхнего Приобья не только с развитием автохтонной больше-реченской культуры, а во многом с проникновением сюда нового населения с запада или юго-запада (Телегин, 1989).

Первоначально Новотроицкие курганы и каменскую культуру А. П. Уманский (1981: 64) датировал II–I вв. до н.э. Впоследствии он пришел к выводу, что процесс складывания новой культуры начался еще в IV в. до н.э., и определял ее хронологические рамки IV–II (концом IV–I) вв. до н.э. (Уманский, 1986с: 34). Позже В. А. Могильников (1997: 4, 108) стал предполагать, что приток саков в Верхнее Приобье начался еще ранее, с середины VI в. до н.э. В итоге в обобщающей монографии, подготовленной П. И. Шульгой после смерти А. П. Уманского и В. А. Могильникова, каменная культура и большинство погребений Новотроицкого некро-

³ В обобщающей монографии «Новотроицкий некрополь» по неизвестной причине описание раскопанных в 1990 г. курганов №№ 26, 37 и 38 не приводится.

⁴ В публикации А.П. Уманского говорится только о раскопках одного кургана в пункте Новотроицкое-III, очевидно, потому, что второй курган был полностью разрушен и не содержал инвентаря.

поля датированы V–III или IV–III вв. до н.э., а отдельные могилы второй половиной VI – первой половиной V в. до н.э. (Шульга, Уманский, Могильников, 2009: 180–181) В совместных работах А. П. Уманский и П. И. Шульга указывали, что каменная культура являлась своеобразным центром, одним из «самых крупных, передовых и наиболее мощных» этнокультурных образований Сибири, а ее носители поддерживали тесные связи с населением Средней Азии, Южного Урала, Горного Алтая и северной таежной зоны (Уманский, Шульга, 2005: 179). Развивая эту мысль, П. И. Шульга (2013: 164) отмечал, что каменную культуру можно считать «передаточным звеном» в меридиональных и широтных контактах обитателей восточной части Евразии середины – второй половины I тыс. до н.э. В результате массированного передвижения населения в эпоху «великого переселения народов» в I в. до н. э. каменная культура прекращает свое существование (Могильников, 1997: 109).

По мнению А. П. Уманского, носители каменной культуры могли проникнуть на территорию Южной Сибири из Приаралья, междуречья Аму- и Сыр-Дарьи и Восточного Казахстана, и являлись частью огромного сако-массагетского этнического массива. Он допускал связь этих крупных передвижений с персидскими и греко-македонскими завоеваниями в Средней Азии, хотя не исключал и влияние внутренних демографических факторов на миграции пришлого населения, недостаток пастбищных угодий на прежних местах обитания (Уманский, 1986с: 34–35). В. А. Могильников (1997: 7) указывал на две основные волны проникновения сакского, а позже и усуньского населения в Обь-Иртышское междуречье и Верхнее Приобье: первая была, возможно, связана с экспансией Ахеменидского Ирана во второй половине VI в. до н. э., вторая – с войнами Александра Македонского и его преемников в Центральной Азии в последней трети IV в. до н.э.

Идея А. П. Уманского и В. А. Могильникова о культурной принадлежности памятников лесостепного Алтая второй половины I тыс. до н.э. была поддержана, пусть и с определенными оговорками, многими специалистами в данной области. По заключению П. И. Шульги, большинство современных исследователей отличают памятники каменной культуры от саргатской, кижировской (шеломокской), тагарской, староалейской, быстрианской, пазырыкской и других синхронных культур Южной Сибири и Казахстана (Шульга, 2013: 61).

В тоже время новосибирские археологи во главе с Т. Н. Троицкой выделение новой культуры считали ошибочным, основанным только на раскопках курганов и не учитывавшим материалы поселений, настаивали на том, что каменные древности являются одним из вариантов автохтонной большереченской культуры. Со временем произошло сближение позиций: новосибирские исследователи приняли понятие «каменная культура», однако продолжали считать ее наряду с кижировской и староалейской культурами локальным вариантом одной большереченской (или каменной) общности. По их мнению, огромную роль в формировании этой общности, сложившейся на местной основе, сыграло кочевое европеоидное население Восточного Казахстана (Троицкая, Новиков, 2004: 72–73). А. П. Уманский был убежден, что разногласия возникли оттого, что Татьяна Николаевна «воочию» не видела его материалы из степных курганов. В противном случае, она, как опытный археолог, сразу же признала бы их своеобразие и необходимость выделения из большереченской культуры (Уманский, 2004).

Дискутируя со своими оппонентами, барнаульский археолог подчеркивал, что существенные изменения в погребальной обрядности (увеличение глубины могил, наличие внутренней конструкции в виде сруба, положение умерших вытянуто на спине, а не в скорченном положении на боку, появление в инвентаре кувшинов, каменных алтариков и других вещей) свидетельствовали не об эволюции большереченского общества, а о приходе нового населения. В степной зоне это проявлялось наиболее четко, а в лесных районах Верхнего Приобья пришлые племена смешались с большереченцами, ассимилировав последних (Уманский, 1986с). По заключению В. А. Могильникова, с которым был солидарен А. П. Уманский, формирование новой культурной общности сопровождалось кардинальными трансформациями в

облике культуры местных жителей, сочетанием оседлости аборигенного субстрата и кочевничества и полукочевничества пришельцев, изменением антропологического типа населения (Могильников, 1997: 4–7, 108–109).

Наличие большого комплекса материалов каменной культуры позволило А. П. Уманскому поставить ряд проблем общеисторического характера. В частности, он обосновал тезис о сильном влиянии культуры, и особенно изобразительного искусства горных кочевников, на степные и лесостепные племена равнинного Алтая в эпоху раннего железа. Контакты между населением двух культурно-географических зон могли происходить в результате регулярных сезонных откочевок, набегов с целью захвата скота и пленных, установления даннических отношений и мирных торгово-обменных операций. При этом, по заключению исследователя, влияние более развитых в социально-экономическом, политическом и культурном отношении горных племен в скифскую эпоху было доминирующим (Уманский, 1987а).

Неоднократно обсуждался вопрос о монографическом издании некрополя Новотроицкое (ГААК. Ф.Р-1820. Оп. 1. Д. 282. Л. 10). Исследователи считали необходимым подготовить «наиболее полную» публикацию объемом 20–25 печатных листов «с изложением материала по комплексам, а затем уже его сводный анализ». Первоначально предполагалось завершить работу над рукописью в 1999 г., однако занятость В. А. Могильникова выполнением плановой темы по средневековым кочевникам не позволила реализовать этот замысел. А. П. Уманский в письме от 1 сентября 2001 г. выговаривал своему московскому коллеге: «Вы упорно не хотите заниматься подготовкой этого издания, хотя в Ваших руках есть все – и тексты отчетов, и чертежи, и рисунки вещевого материала» (Там же. Л. 11). В ответном письме, отправленном немного более чем за год до кончины, В. А. Могильников писал, что «ни в коей мере не отказывается» от работы по Новотроицкому могильнику, к которой он намеревался вплотную приступить в начале следующего 2002 г. При этом он вновь подчеркивал, что необходимо выполнить ее «на современном уровне». Одновременно он предполагал опубликовать материалы раскопок Камня II. «Вообще хотелось бы успеть все!», – восклицал он в завершении своего письма (Там же. Д. 318. Л. 47–47 об.). Однако смерть ученого перечеркнула эти замыслы. Завершить издание монографии, выполненное на высоком научном и полиграфическом уровне, удалось только благодаря усилиям П. И. Шульги в 2009 г. (Шульга, Уманский, Могильников, 2009). Непосредственное содействие в этом начинании ему вплоть до последних дней жизни оказывал А. П. Уманский.

1992 г. был последним, когда А. П. Уманский принимал участие в полевых изысканиях. На поселении Турина Гора-I близ Барнаула велись хоздоговорные исследования периферийной части поселения эпохи раннего железного века, которые дали очень скудный, преимущественно керамический материал (Демин, Уманский, Шульга, 1993; Тишкин, Тишкина, 1995). Собственно, и экспедицией эти работы назвать сложно, поскольку палаточный лагерь не разбивали, студенты приезжали на раскопки на городском транспорте. Непосредственно исследованиями руководил П. И. Шульга.

В дальнейшем по состоянию здоровья Алексей Павлович уже не участвовал в полевых работах. Он часто с ностальгией вспоминал об археологических экспедициях с их неустроенным бытом, романтикой походной жизни, крепкой дружбой и ценностью простых человеческих отношений. Он говорил, что раскопки часто снятся ему по ночам и, просыпаясь летом, он с недоумением и горечью обнаруживал, что находится в своей городской квартире, а не в экспедиционном археологическом лагере.

В 1970 – начале 2000-х гг. А. П. Уманский плодотворно занимался публикацией и осмыслением накопленных археологических источников, стремился ввести в научный оборот свои многочисленные материалы предшествующих лет.

В статье 1985 г. он попытался обобщить все известные к тому времени на Алтае материалы эпохи «великого переселения народов». Он отмечал, что в IV–V вв. в регионе наблюдалась

нестабильная политическая обстановка: происходили массовые передвижения, в погребальных памятниках неизменно присутствовало оружие. По заключению исследователя, прежнее аборигенное население было вовлечено в мощный поток «великого переселения» и покинуло эти территории, уступив место пришельцам. В этническом отношении в Горном Алтае проживали племена тейлэ (теле), в бассейнах верхнего и среднего течения левых притоков Оби – Чарыша и Алея – гунны, а в лесной полосе Обского правобережья – угры или угро-самодийцы (Уманский, 1985b: 60–62).

Результаты своих исследований А. П. Уманский в очной или заочной форме широко обнародовал на научных конференциях различного уровня. В 1980-е гг. итоги его археологических исследований были представлены в сборниках всесоюзных конференций «Сибирь в прошлом, настоящем и будущем», «Исторический опыт освоения Сибири», «Проблемы археологии степной Евразии», «Проблемы археологии скифо-сибирского мира», конференций Алтайского филиала Географического общества СССР и краевого отделения Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры. В 1990-е и начале 2000-х гг. исследователь являлся постоянным участником краевых ежегодных совещаний по охране и использованию памятников истории и культуры. Так, в материалах конференции 1994 г. он выступал в качестве ответственного редактора и опубликовал шесть (!) статей, только две из них были в соавторстве, остальные подготовлены им единолично.

С момента открытия в 1994 г. в Алтайском государственном университете диссертационного совета и вплоть до 2005 г. А. П. Уманский входил в его состав. При этом сам он непосредственно не участвовал в подготовке кандидатов и докторов наук. Вопрос о том, почему он не создал собственную научную школу, нередко возникает у исследователей, обращающихся к его обширному наследию. А. П. Уманский имел в своем распоряжении большой массив ежегодно пополняющихся археологических источников, на базе которых можно было написать ни одно кандидатское сочинение. Однако не получив возможность в силу внешних обстоятельств защитить диссертацию по археологии и не располагая с середины 1960-х гг. Открытыми листами на право ведения раскопок, он не имел формально подтвержденной археологической квалификации, что препятствовало подготовке кадров в этой сфере. Что касается исторической проблематики, то, преодолев многолетние трудности с изданием монографии и защитой докторской диссертации, он с учетом возраста и состояния здоровья, не решился вновь со своими учениками пройти этот сложный путь. Тем более что изучение истории этнополитических образований Южной Сибири являлось приоритетным для исследователей национальных научных центров, и было крайне сложным в силу специфики источников. Обращаться к другим историческим темам он не считал необходимым, прежде всего потому, что стремился посвятить оставшееся время жизни обработке и введению в научный оборот своих многочисленных археологических материалов. В отчете о научной работе, написанном за две недели до кончины, А.П. Уманский указывал о проводившейся в 2005 г. обработке материалов археологических раскопок 1968, 1969 и 1971 гг. и завершении монографии «Древности станции Плотинная», о планирующейся подобной работе с находками из урочища Раздумье и Масляхи, о подготовке переиздания памятника эпохи «великого переселения народов» Тугозвонovo и книг в соавторстве «Некрополь эпохи бронзы в Кытманово» и «Новотроицкие курганы» (ГААК. Ф.Р-1820. Неописанные материалы. Отчет, 2005; Уманский, Кирюшин, Грушин, 2007; Шульга, Уманский, Могильников, 2009).

Список источников и литературы

Государственный архив Алтайского края (ГААК).

Демин М. А. А. П. Уманский: первые шаги в науку // Вопросы археологии и истории юга Западной Сибири. – Барнаул: АлтГПА, 2013. – 30–42.

- Демин М. А.** Археологические исследования А. П. Уманского на Алтае (1956–1963 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: исторические науки и археология. – 2016. – № 2 (90). – С. 200–205.
- Демин М. А.** Археологические исследования А. П. Уманского на Алтае (1964–1972 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: исторические науки и археология. – 2017. – № 5 (97). – С. 196–202.
- Демин М. А., Гельмель Ю. И.** Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: БГПИ, 1992. – С. 28–34, 170–175.
- Демин М. А., Уманский А. П., Шульга П. И.** Раскопки на поселении Турина Гора-I // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: АГУ, 1993. – Ч. II. – С. 194–196.
- Могильников В. А.** Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н. э. – М.: Пушкин. науч. центр РАН, 1997. – 195 с.
- Могильников В. А., Уманский А. П.** Предметы поясного набора с зооморфным декором из Новотроицких курганов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: АГУ, 1997. – Вып. VIII. – С. 119–124.
- Паршукова Т. С.** Археологические исследования А. П. Уманского в 1950-е гг. // Восьмые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. – Барнаул: АлтГУ, 2011. – С. 30–31.
- Телегин А. Н.** Еще раз о вопросе каменной культуры // Проблемы археологии скифо-сибирского мира. – Кемерово, 1989. – Ч. II. – С. 51–54.
- Тишкин А. А., Тишкина Т. В.** Комплекс аварийных археологических памятников близ Туриной Горы // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 1995. – С. 106–110.
- Троицкая Т. Н., Новиков А. В.** Археология Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. – 136 с.
- Уманский А.** Говорят курганы Новотроицкого // За коммунизм (Тальменский район). – 1982. – 25 февраля.
- Уманский А.** Новые находки археологов в Новотроицком // За коммунизм. – 1988. – 13 декабря.
- Уманский А.** Рассказали курганы // За коммунизм. – 1986а. – 30 сентября.
- Уманский А.** Черный амулет // Алтайская правда. – 1986б. – 18 декабря.
- Уманский А. П.** Аварийные раскопки курганов раннего железного века у с. Новотроицкого // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: АГУ, 1993. – Ч. II. – С. 197–202.
- Уманский А. П.** Аварийные раскопки Новотроицких курганов в 1990 году // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. пед. ин-т, 1992а. – С. 57–58.
- Уманский А. П.** К вопросу о культурном взаимодействии горных и лесостепных племен Алтая в эпоху раннего железа // Проблемы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1987а. – С. 35–47.
- Уманский А. П.** К вопросу о периодизации большебереченской культуры // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул: АГУ, 1986с. – С. 32–36.
- Уманский А. П.** Новые материалы из Новотроицкого могильника (по раскопкам 1983 года) // Проблемы древних культур Сибири. – Новосибирск, 1985а. – С. 128–134.
- Уманский А. П.** Памятники эпохи «великого переселения народов» на Алтае // Урало-алтаистика: Археология. Этнография. Язык. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1985б. – С. 55–63.
- Уманский А. П.** Раскопки курганов близ села Новотроицкого // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Ин-т истории и археологии СО РАН, 1986д. – С. 70–74.
- Уманский А. П.** Раскопки курганов раннежелезного века у села Новотроицкого // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. История и культура народов Сибири. – Новосибирск, 1981. – Вып. III. – С. 62–65.
- Уманский А. П.** Раскопки новотроицких курганов в 1988 году // Проблемы археологии скифо-сибирского мира. – Кемерово, 1989. – Ч. II. – С. 54–57.
- Уманский А. П.** Раскопки Новотроицкого могильника // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1987б. – С. 35–38.
- Уманский А. П.** Rogozinские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 году // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: БГПИ, 1992б. – С. 51–68, 195–197.
- Уманский А. П.** Спорные вопросы истории Верхнего Приобья (ответы на критические замечания в свой адрес) // Алтайский сборник. – Барнаул: АГУ, 2004. – Вып. 21. – С. 253–254.
- Уманский А. П., Караваев А. В.** Раскопки средневекового кургана у с. Новотроицкого // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. – Абакан: Абаканский гос. пед. ин-т им. Н. Ф. Катанова, 1993. – С. 44–45.
- Уманский А. П., Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П.** Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). – Барнаул: АлтГУ, 2007. – 333 с.
- Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И.** Могильник скифского времени Rogozixa-1 на левобережье Оби. – Барнаул: АлтГУ, 2005. – 203 с.

Уманский А. П., Шульга П. И. Два погребения с восточными зеркалами из Алтайского края // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. – Барнаул: БГПУ, 1999. – С.43–63.

Уманский А. П., Шульга П. И. О некоторых особенностях захоронений в многомогильных курганах каменной культуры // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. – Новосибирск: НГПУ, 2005. – Т. 2. – С. 179–187.

Шульга П. И. К характеристике каменной культуры // Вопросы археологии и истории юга Западной Сибири. – Барнаул: АлтГПА, 2013. – С. 161–173.

Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. – Ч. II. – 321 с.

Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А. Новотроицкий некрополь. – Барнаул: АлтГУ, 2009. – 328 с.

Демин Михаил Александрович, д-р ист. наук, профессор, кафедры отечественной истории.
Алтайский государственный педагогический университет,
Ул. Молодежная, 55, Барнаул, Россия, 656031.

Демин Михаил Александрович, профессор кафедры истор.-правовых и социал.-гуманит. дисциплин.
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В. М. Шукшина,
Ул. Короленко, 53, Бийск, Россия, 659333.
E-mail: mademin52@mail.ru

Материал поступил в редакцию 11 октября 2018 г.

M. A. Demin

ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES OF A.P. UMANSKY IN ALTAI IN THE 1980S– EARLY 2000S

The article deals with the archaeological activities of the famous Siberian historian and archaeologist A.P. Umansky in the 1980s – early 2000s. His long-standing cooperation with the researcher of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences V.A. Mogilnikov was of great importance. The most large-scale result of archaeological research of scientists were the excavations of the Novotroitsk necropolis, conducted in 1980, 1981, 1983, 1984, 1986-1991. In all, 314 burials were excavated in Novotroitsk, 296 of which belong to the Scythian time, 16 – to the Late Bronze Age, 1– to the Middle Ages and 1– due to total destruction, remained undefined. One of the important joint scientific developments of A.P. Umansky and V.A. Mogilnikov became the selection of the Kamensk archaeological culture of the second half of the 1st millennium BC. In contrast to the traditional point of view, they linked the origin of Kamensk complexes not only with the development of the autochthonous Bolsherechensk culture, but in many respects with the penetration of the new population from the west or south-west. In 1985, A.P. Umansky took part in the excavations of the Rogozikha-1 mound group, during which a unique oriental-mirror rattle with images of religious-symbolic scenes was found. The definition of image semantics required intensive work to find analogies in archaeological and written sources, including ancient Indian epic works. The scientist interpreted the plot on the Rogozikha mirror as a multi-valued symbolic image of the solemn descent into the underworld. In the 1989–1990th he participated in the research of archaeological sites in the natural boundary of Karban, on the left bank of the Katun-river. As a result of the excavations material that characterizes the different stages of the history of the population of the Altai Mountains in the era of early iron was obtained and which has great historical and artistic value. During the period under review, A.P. Umansky was fruitfully engaged in publishing and understanding the accumulated archaeological sources, he strove to introduce his numerous materials of previous years into scientific circulation.

Key words: *archeology, Umansky, Mogilnikov, Novotroitsk, Rogozikha, Karban, Kamensk culture.*

References:

Gosudarstvennyy arkhiv Altayskogo kraya [State Archives of the Altai Territory] (GAAK).

Demin M. A. A. P. Umanskiy: pervye shagi v nauku [A.P. Umansky: the first steps in science] // *Voprosy arkheologii i istorii yuga Zapadnoy Sibiri*. – Barnaul: AltGPA, 2013. – P. 30–42. (in Russian)

Demin M. A. Arkheologicheskie issledovaniya A.P. Umanskogo na Altae (1956–1963 gg.) [Archaeological research of A.P. Umansky in the Altai (1956–1963)] // *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoricheskie nauki i arkheologiya*. – 2016. – № 2 (90). – P. 200–205. (in Russian)

Demin M. A. Arkheologicheskie issledovaniya A.P. Umanskogo na Altae (1964–1972 gg.) [Archaeological research of A.P. Umansky in the Altai (1964–1972)] // *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoricheskie nauki i arkheologiya*. – № 5 (97). – 2017. – P. 196–202. (in Russian)

Demin M. A., Gel'mel' Yu. I. Kurgannoe pogrebenie ranneskifskogo vremeni iz Gornogo Altaya [Kurgan burial of early Scythian time from Gorny Altai] // *Voprosy arkheologii Altaya i Zapadnoy Sibiri epokhi metalla*. – Barnaul: BGPI, 1992. – P. 28–34, 170–175. (in Russian)

Demin M. A., Umanskiy A. P., Shul'ga P. I. Raskopki na poselenii Turina Gora-I [Excavations in the settlement of Turin Mountain-I] // *Okhrana i izucheniye kul'turnogo naslediya Altaya*. – Barnaul: AGU, 1993. – Part 2. – P. 194–196. (in Russian)

Mogil'nikov V. A. Naselenie Verkhnego Priob'ya v seredine – vtoroy polovine I tys. do n.e. [Population of the Upper Ob region in the middle – 2nd half of the 1st m. BC]. – Moscow: Pushchin. nauch. tsentr RAN, 1997. – 195 p. (in Russian)

Mogil'nikov V. A., Umanskiy A. P. Predmety poyasnogo nabora s zoomorfnyim dekorom iz Novotroitskikh kurganov [Items of the belt set with zoomorphic decor from the Novotroitsk Mounds] // *Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya*. – Barnaul: AGU, 1997. – Is. 8. – P. 119–124. (in Russian)

Parshukova T. S. Arkheologicheskie issledovaniya A.P. Umanskogo v 1950-e gg. [Archaeological research of A.P. Umansky in the 1950's] // *Vos'mye nauchnye chteniya pamyati professora A.P. Borodavkina*. – Barnaul: AltGU, 2011. – P. 30–31. (in Russian)

Telegin A. N. Eshche raz o voprose kamenskoj kul'tury [Once again about the issue of Kamensk culture] // *Problemy arkheologii skifo-sibirskogo mira*. – Kemerovo, 1989. – Part 2. – P. 51–54. (in Russian)

Tishkin A. A., Tishkina T. V. Kompleks avariynykh arkheologicheskikh pamyatnikov bliz Turinoy Gory [Complex of emergency archaeological sites near Turin Mountain] // *Problemy okhrany, izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Altaya*. – Barnaul: AltGU, 1995. – P. 106–110. (in Russian)

Troitskaya T. N., Novikov A. V. Arkheologiya Zapadno-Sibirskoy ravniny [Archeology of the West Siberian Plain]. – Novosibirsk: IAET SO RAN, 2004. – 136 p. (in Russian)

Umanskiy A. Govoryat kurgany Novotroitskogo [The barrows Novotroitsk tell] // *Za kommunizm (Tal'menskiy rayon)*. – 1982. – Febr. 25. (in Russian)

Umanskiy A. Novye nakhodki arkheologov v Novotroitskom [New finds of archeologists in Novotroitsk] // *Za kommunizm*. – 1988. – Dec. 13. (in Russian)

Umanskiy A. Rasskazali kurgany [The barrows told] // *Za kommunizm*. – 1986a. – Sept. 30. (in Russian)

Umanskiy A. Chernyy amulet [Black amulet] // *Altayskaya pravda*. – 1986b. – Dec. 18. (in Russian)

Umanskiy A. P. Avariynye raskopki kurganov rannego zheleznogo veka u s. Novotroitskogo [Emergency excavation of barrows of the early Iron Age at the village Novotroitsk] // *Okhrana i izucheniye kul'turnogo naslediya Altaya*. – Barnaul: AGU, 1993. – Part 2. – P. 197–202. (in Russian)

Umanskiy A. P. Avariynye raskopki Novotroitskikh kurganov v 1990 godu [Emergency excavation of Novotroitsk barrows in 1990] // *Problemy sokhraneniya, ispol'zovaniya i izucheniya pamyatnikov arkheologii Altaya*. – Gorno-Altaysk: Gorno-Alt. gos. ped. in-t, 1992a. – P. 57–58. (in Russian)

Umanskiy A. P. K voprosu o kul'turnom vzaimodeystvii gornyx i lesostepnykh plemen Altaya v epokhu rannego zheleza [To a question of cultural interaction of the mountain and forest-steppe tribes of Altai during an era of early iron] // *Problemy istorii Gornogo Altaya*. – Gorno-Altaysk: GANIYYaL, 1987a. – P. 35–47. (in Russian)

Umanskiy A. P. K voprosu o periodizatsii bol'sherechenskoj kul'tury [To a question of a periodization of bolsherechensky culture] // *Skifskaya epokha Altaya*. – Barnaul: AGU, 1986c. – P. 32–36. (in Russian)

Umanskiy A. P. Novye materialy iz Novotroitskogo mogil'nika (po raskopkam 1983 goda) [New materials from the Novotroitsk burial ground (on excavation of 1983)] // *Problemy drevnikh kul'tur Sibiri*. – Novosibirsk, 1985a. – P. 128–134. (in Russian)

Umanskiy A. P. Pamyatniki epokhi «velikogo pereseleniya narodov» na Altae [Era monuments of "great resettlement of the people" in Altai] // *Uralo-altaistika: Arkheologiya. Etnografiya. Yazyk*. – Novosibirsk: Nauka: Sib. otd-nie, 1985b. – P. 55–63. (in Russian)

- Umanskiy A. P.** Raskopki kurganov bliz sela Novotroitskogo [Excavation of barrows near the village Novotroitsk] // Pamyatniki drevnikh kul'tur Sibiri i Dal'nego Vostoka. – Novosibirsk: In-t istorii i arkhologii SO RAN, 1986d. – P. 70–74. (in Russian)
- Umanskiy A. P.** Raskopki kurganov rannezheleznogo veka u sela Novotroitskogo [Excavation of barrows of the early Iron Age at the village Novotroitsk] // Sibir' v proshlom, nastoyashchem i budushchem. Istoriya i kul'tura narodov Sibiri. – Novosibirsk, 1981. – Is. 3. – P. 62–65. (in Russian)
- Umanskiy A. P.** Raskopki novotroitskikh kurganov v 1988 godu [Excavation of Novotroitsk barrows in 1988] // Problemy arkhologii skifo-sibirskogo mira. – Kemerovo, 1989. – Part 2. – P. 54–57. (in Russian)
- Umanskiy A. P.** Raskopki Novotoitskogo mogil'nika [Excavation of the Novotoitsky burial ground] // Issledovaniya pamyatnikov drevnikh kul'tur Sibiri i Dal'nego Vostoka. – Novosibirsk, 1987b. – P. 35–38. (in Russian)
- Umanskiy A. P.** Rogozinskie kurgany po raskopkam Barnaul'skogo pedinstituta v 1985 godu [Rogozinsky barrows on excavation of the Barnaul teacher's college in 1985] // Voprosy arkhologii Altaya i Zapadnoy Sibiri epokhi metalla. – Barnaul: BGPI, 1992b. – P. 51–68, 195–197. (in Russian)
- Umanskiy A. P.** Spornye voprosy istorii Verkhnego Priob'ya (otvety na kriticheskie zamechaniya v svoy adres) [Controversial issues of history of the Top Priobye (answers to critical remarks in the address)] // Altayskiy sbornik. – Barnaul: AGU, 2004. – Is. 21. – P. 253–254. (in Russian)
- Umanskiy A. P., Karavaev A. V.** Raskopki srednevekovogo kurgana u s. Novotroitskogo [Excavation of a medieval barrow at the village Novotroitsk] // Materialy po arkhologii i etnografii Sibiri i Dal'nego Vostoka. – Abakan: Abakanskiy gos. ped. in-t im. N.F. Katanova, 1993. – P. 44–45. (in Russian)
- Umanskiy A. P., Kiryushin Yu. F., Grushin S. P.** Pogrebal'nyy obryad naseleniya andronovskoy kul'tury Prichumysh'ya (po materialam mogil'nika Kytmanovo) [Funeral ceremony of the population of andronovsky culture Prichumyshya (on materials of the burial ground Kytmanovo)]. – Barnaul: AltGU, 2007. – 333 p. (in Russian)
- Umanskiy A. P., Shamshin A. B., Shul'ga P. I.** Mogil'nik skifskogo vremeni Rogozikha-1 na levoberezh'e Obi [The burial ground of Scythian time Rogozikha-1 on the left bank of the Ob River]. – Barnaul: AltGU, 2005. – 203 p. (in Russian)
- Umanskiy A. P., Shul'ga P. I.** Dva pogrebeniya s vostochnymi zerkalami iz Altayskogo kraya [Two burials with east mirrors from Altai Krai] // Voprosy arkhologii i istorii Yuzhnoy Sibiri. – Barnaul: BGPU, 1999. – P. 43–63. (in Russian)
- Umanskiy A. P., Shul'ga P. I.** O nekotorykh osobennostyakh zakhroneniy v mnogomogil'nykh kurganakh kamenskoy kul'tury [About some features of burials in multisepulchral barrows of the Kamenskaya culture] // Aktual'nye problemy arkhologii, istorii i kul'tury. – Novosibirsk: NGPU, 2005. – Vol. 2. – P. 179–187. (in Russian)
- Shul'ga P. I.** K kharakteristike kamenskoy kul'tury [To the characteristic of the Kamenskaya culture] // Voprosy arkhologii i istorii yuga Zapadnoy Sibiri. – Barnaul: AltGPA, 2013. – P. 161–173. (in Russian)
- Shul'ga P. I.** Snaryazhenie verkhovoy loshadi v Gornom Altae i Verkhnem Priob'e [Equestrian equipment in the Altai Mountains and Upper Ob River]. – Novosibirsk: RITs NGU, 2015. – Part II. – 321 p. (in Russian)
- Shul'ga P. I., Umanskiy A. P., Mogil'nikov V. A.** Novotroitskiy nekropol' [Novotroitsky necropolis]. – Barnaul: AltGU, 2009. – 328 p. (in Russian)

Demin Mikhail Aleksandrovich, Doctor Nauk, History, Professor of the Department of National History.
Altai State Pedagogical University,
ul. Molodezhnaya, 55, Barnaul, Rossiya, 656031.

Demin Mikhail Aleksandrovich, Professor of the Department of Historical, Legal and Socio-Humanitarian Disciplines.
Altayskii gosudarstvennyi gumanitarno-pedagogicheskii universitet imeni V. M. Shukshina,
ul. Korolenko, 53, Biisk, Rossiya, 659333.
E-mail: mademin52@mail.ru